

**ОБРАЗ И НЕГАЦИЯ:
«ПРОТОАПОФАТИКА» И ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ
НЕГАТИВНОСТИ В «ТЕОГОНИИ» ГЕСИОДА**

А. В. БОГОМОЛОВ
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Нижегородский государственный педагогический университет имени
Козьмы Минина (Мининский университет)
ensestens@mail.ru

ALEKSEY BOGOMOLOV
Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)
IMAGE AND NEGATION: "PROTO-APOPHATICS" AND THE PROBLEM OF THE TYPOLOGY OF
NEGATIVITY IN HESIOD'S «THEOGONY»

ABSTRACT. The purpose of this article is a historical and philosophical reconstruction of the problem of negativity in "Theogony". It is shown that negativity is not limited only to the doctrine of Chaos, since in the text of Hesiod there are other mythological images that are endowed with their apophatic characteristics. These include Erebus, Night, Tartarus, as well as "limits and beginnings". At the same time, Chaos certainly has a special status. Chaos generates other negative images – Night, Erebus. Consequently, the three mythological images are in genus-species relations, which means they are different types of negativity from each other. The "beginnings and limits", which also have their apophatic characteristics, are that which contains Chaos in itself. Consequently, Hesiod's myth contains not only an apophatic problematic, but there is an implicit difference in the understanding of negativity.

KEYWORDS: apophatics, negativity, history of ancient philosophy, Hesiod, proto-apophatics, non-being.

Обращение к негативности – одна из самых спорных тем в истории философии. В самом деле, категория «ничто» («небытие»), которая является систе-

мообразующей апофатического дискурса, как правило, вызывает неоднозначные интерпретации в специальной литературе. Традиционно дискуссии здесь строятся относительно онто-эпистемологического статуса ничто. И вместе с тем особый ракурс рассмотрения – генезис негативности. Это многоаспектная проблема, в которой по-прежнему наличествуют определенные пробелы. Так, в истории философии, негативность явлена в различных модусах. Вспомнить хотя бы известную работу П. Адо, в которой автор говорит об апофазисе, аферезисе и негативной теологии (Hadot 1987, 185–193). Здесь, разумеется, и известная проблема демаркации философской апофатики и негативной теологии (Ахутин 2005, 49), а также соотношение категорий «небытие» и «ничто».

Понимание негативности неоднородно, точно так же, как и трактовки небытия/ничто в истории философии. Примером здесь могут служить платоновские диалоги, в которых ничто понимается по-разному (Богомоллов, Светлов, Шмонин 2022). Или, к примеру, известное утверждение Аристотеля о том, что о небытии можно говорить в трех значениях (Met. XIV). Во-первых, как об отрицании по отношению к категориям; во-вторых, о небытии как лжи; а также небытие понимается как возможность («μὴ ὄν ἰσαχῶς ταῖς κατηγορίαις λέγεται, παρὰ τοῦτο δὲ τὸ ὡς ψεῦδος λέγεται τὸ μὴ ὄν καὶ τὸ κατὰ δύναμιν»). Сказанное и обуславливает постановку вопроса об истоках различия в понимании ничто. Такие предпосылки, если мы говорим об истории западной философии, безусловно, наличествуют в античной мысли. Однако, в какой момент развития греческой философии это происходит? Да, различия мы можем найти у того же Платона, однако исток, как мы полагаем, обнаруживается все же раньше.

Разумеется, проблема различия интерпретаций негативности не может быть обнаружена ранее формирования апофатических тенденций в античной традиции. Апофатическая проблематика наличествует еще в предфилософии – в теогонии Гесиода. В частности, негативные характеристики Хаоса очевидны и в специальной литературе это, конечно, отмечается. Однако мы полагаем, что и различие в понимании апофатического наличествует уже у Гесиода. При этом очевидно, говоря о текстах Гесиода, мы имеем дело с мифологическими образами, не с понятиями.

Настоящая статья, таким образом, обращена, во-первых, к проблеме историко-философской реконструкции понимания негативности в «Теогонии» Гесиода. Во-вторых, частным аспектом является вопрос о различии в трактовке негативности. Еще раз подчеркнем, что раскрытие и первого, и второго положения предполагает интерпретацию мифологических образов Гесиода,

наделенных определенными характеристиками. В этой связи, пожалуй, более уместно использовать термин «протоапофатика», который, хоть и не столь часто, но употребляется в специальной литературе, в частности, когда речь идет о негативности у ранних греческих философов (Millsaps 2006, 31).

Итак, исходный фрагмент «Теогонии», к которому мы обращаемся:

«ἦ τοι μὲν πρῶτιστα Χάος γένητ', αὐτὰρ ἔπειτα //
Γαί' εὐρύστερνος, πάντων ἔδος ἀσφαλὲς αἰεὶ // ἀθανάτων, οἳ ἔχουσι κάρη νιφόεντος
'Ολύμπου, // Τάρταρά τ' ἠερόεντα μυχῶ χθονὸς εὐρυοδείης, // ἦδ' Ἔρος, ὃς
κάλλιστος ἐν ἀθανάτοισι θεοῖσι, // λυσιμελής, πάντων δὲ θεῶν πάντων τ' ἀνθρώπων
// δάμναται ἐν στήθεσσι νόον καὶ ἐπίφρονα βουλήν.»¹

В нашем случае важным представляется вопрос о том, в каком отношении находятся Хаос, Гея и Эрос. Мы полагаем, в специальной литературе можно выделить, по меньшей мере, три подхода. Согласно первому из них, Хаос является предтечей всего мира и богов (Драч 2003, 79). Очевидно, данное утверждение имеет своим основанием «πρῶτιστα Χάος γένητ'» (Th. 116). Такая трактовка обуславливает понимание Хаоса как «существенного условия» космогонии у Гесиода, на что, к примеру, указывает J. Bussanich (1983, 215), а также в значительной степени сближает Хаос с ἀρχή. Однако Хаос – «это не порождающая причина или субстанция, подобная ἀρχαὶ милетцев (Bussanich 1983, 215)». Вторая позиция заключается в следующем: чтобы утвердить божественный характер происхождения космоса, Гесиод вводит триаду «первичных» (primordial) богов – Хаос, Гею, Эроса именно как ἀρχή богов (Bussanich 1983, 213). Такая трактовка, конечно, смещает акценты, и тезис «πρῶτιστα Χάος γένητ'» в известном отношении теряет онтологическую значимость, поскольку, видимо, онтологически Хаос, Гея и Эрос равны. В-третьих, А.Ф. Лосев в работе «Мифология греков и римлян», отмечал, в «Теогонии» нет ясности, в каком взаимном отношении находятся Хаос, Гея, Тартар, Эрот (Лосев 1996, 691). Разумеется, в этом случае вопрос о том, что было первичным, теряет свою значимость. Кроме того, в третьей трактовке обратим внимание, что наряду с Хаосом, Геей и Эротом А.Ф. Лосев упоминает также и Тартар. К этому моменту в рамках настоящей статьи мы вернемся ниже.

В целом, утверждение, что Хаос возникает первым и что вслед за ним, хотя и не «из» него, появляются Гея и Эрот позволяет нам все же принять ту позицию, согласно которой, Хаос – важное, а, возможно, определяющее условие космогонии. При этом согласимся и с тем, что это не архэ в том значении, в

¹ Theog. 116–122. Текст «Теогонии» цитируется по изданию: Most 2006.

котором это понятие применяется в отношении онтологии первых греческих мыслителей. Но необходимо заметить: учение о Хаосе во многом приближено к концепции Первоначала. И при этом «Хаос» имеет негативные характеристики, что следует уже хотя бы из семантики данного понятия. Мы не станем подробно останавливаться именно на апофатических характеристиках Хаоса, этот момент, в частности, отмечался нами ранее [Богомолов, Светлов 2021, 43-46]. Однако упомянем, к примеру, работу J.S. Clay «Hesiod's Cosmos». Нам представляется, в ней не только представлен апофатический контекст прочтения Хаоса, но имплицитно явлено и различное понимание негативного в теогонии Гесиода. К тому же автором указанной работы «Хаос» трактуется как отрицательное (негативное), т.е. мифопоэтический образ раскрывается как абстрактное понятие.

Итак, говорится следующее: «По-видимому, это (т.е. Хаос – А.Б.) не нагромождение неопределенной материи, как мы могли бы подумать, а скорее ее отрицание, безликая пустота» (Clay 2003, 15). Здесь, как можно видеть, Хаос уподобляется, в частности, пустоте (void). Отметим и то, что в указанной работе говорится об отсутствии у Хаоса характеристик, которые можно было бы описать. Причем обосновывается это положение автором, в том числе, исходя из этимологии самого слова. Примечательно также, J.S. Clay рассматривает негативность Хаоса во взаимосвязи с Геей: Хаос и Гея интерпретируются через понятия в рамках бинарной оппозиции «отрицательное-положительное» и делается акцент на том, что отрицательное, т.е. Хаос предшествует положительному (Гея). В указанной работе находим: «Замечен также тот факт, что отрицание (Хаос) – отсутствие качеств – предшествует положительному, Гее, и что отрицательное в некотором смысле получает свое определение от своей противоположности» (Clay 2003, 15). Но вернемся к исходному тезису J.S. Clay. И здесь, конечно, примечательно само утверждение о том, что Хаос предшествует Гее, т.е. «πρώτιστα Χάος γένετ'» трактуется как определяющая позиция в вопросе о соотношении трех «первичных богов». Отсюда справедлив и последующий вывод, согласно которому негативное предшествует положительному. Более того, автором отмечается, подобная ситуация повторяется: в строках 123–125, где говорится о том, что из Хаоса произошли Черная Ночь и угрюмый Эреб, из союза которых рождаются Эфир и День (Clay 2003, 16).

Мы полагаем, акцент, сделанный J.S. Clay, на повторяемости онтологического приоритета негативного имеет важное значение. Но не менее значимым представляется и то, что негативное в «Теогонии» – это не только Хаос, но и Ночь, и Эреб. Здесь, следовательно, может возникнуть вопрос о том, наделены ли Ночь и Эреб разными аспектами негативности или же их сле-

дует признать со-равными порождениями Хаоса. В этой связи отметим интерпретацию Ф. Солмсена. В его работе «Hesiod and Aeschylus» сам Хаос характеризуется как «великая пустота». Однако более интересно понимание как раз Ночи и Эреба. Так, говорится, что Ночь также пуста и лишена субстанции, как и изначальная пустота (Solsmen 1949, 27). При этом именно о Ночи говорится, что это аналог «κενόν» в поздней философской терминологии (Solsmen 1949, 27). Вместе с тем нет четкой ясности, понимается ли под «изначальной пустотой» – Хаос или что-то другое. Эреб же характеризуется также как бездна – χάσμα, как «царство больших незаполненных пространств» (Solsmen 1949, 27). Трактовка Солмсена для нас интересна в том числе и тем, что здесь наличествует, по сути, прямое указание на взаимосвязь «Νύξ» в «Теогонии», т.е. в предфилософии, и «κενόν» в последующих учениях, иными словами, исток понимания «κενόν» в греческой философии именно у Гесиода. Кроме того, постулируемая автором корреляция обуславливает несколько важных нюансов. Во-первых, следует подчеркнуть, что именно «Νύξ», а вовсе не Хаос признается неким аналогом позднего «κενόν». Во-вторых, если Хаос понимается как «великая пустота» («the great void»), то онтологический статус Ночи и Хаоса различен. И здесь, конечно, мы можем предположить, что, если «Νύξ» коррелирует именно с «κενόν», то, возможно, Хаос является «предфилософским» аналогом «μή όν» или, что даже более вероятно, учитывая понимание Хаоса как «великой пустоты», «οὐκ όν».

Следовательно, из трактовки Солмсена можно увидеть онтологическое различие между Хаосом и Ночью, что, на наш взгляд, является оправданным. Теперь вернемся к вопросу о соотношении Ночи и Эреба. Во-первых, Эреб и Ночь являются парой, и именно их союз обуславливает рождение, в частности, Дня. Во-вторых, Хаос порождает Эреб и Ночь, соответственно, это можно интерпретировать как указание на наличие не просто разных ипостасей негативности, но и то, что они находятся в родо-видовых отношениях, т.е. Хаос – некое отрицание – является родом по отношению к Эребу и Ночи, которые следует в этом случае признать в качестве некоего вида негативности. Поскольку и Эреб, и Ночь суть порождения Хаоса, то следует предположить, что онтологически они равны. Однако представляется, что это все же не так. И здесь как раз следует обратиться к описанию Тартара, о необходимости чего мы писали выше.

Итак, иной ракурс соотношения мифопоэтических образов – Ночи и Эреба – раскрывается при обращении к строкам, начиная с 721, в которых Гесиод описывает Тартар. Следует заметить, полагая различия в понимании негативного в «Теогонии», Тартар также можно рассматривать как некий образ негации. К примеру, обратим внимание, Тартар – то место, в которое

были отправлены побежденные Титаны. В «Теогонии» 721–722 указывается: «τόσσον ἔνερθ' ὑπὸ γῆς, ὅσον οὐρανός ἐστ' ἀπὸ γαίης: // τόσσον γάρ τ' ἀπὸ γῆς ἐς Τάρταρον ἠερόεντα.». И далее 729–731: «ἔνθα θεοὶ Τιτῆνες ὑπὸ ζόφῳ ἠερόεντι // κερύφαται βουλῆσι Διὸς νεφεληγερέταο // χώρῳ ἐν εὐρώεντι, πελώρης ἔσχατα γαίης». Особенно интересны 729–731 строки, в которых Тартар характеризуется не только как «место угрюмое» и «затхлое», но и место, находящееся «у края земли необъятной». Д. М. Джонсон в работе «Hesiod's Descriptions of Tartarus» отмечал: «Тартар когда-то служил безопасным местом для содержания титанов и домом для некоторых порождений Ночи, которые все еще вершат свои злые дела на земле; таким образом, он играет важную роль как в повествовании о возвышении Зевса, так и в описании Гесиодом негативных сил, с которыми мы, смертные, все еще сталкиваемся» (Johnson 1999, 8). Приведенная цитата демонстрирует, что Тартар, в отличие от той же Ночи, имеет не только негативное содержание. В частности, он трактуется как место, в которое были помещены Титаны. Это, в свою очередь и позволяет говорить о Тартаре как о некоем безопасном месте, что смещает акцент с выраженной негативной характеристики. Нам представляется, в этом важное отличие Тартара от Хаоса и Ночи.

Далее, при описании Тартара обращает на себя внимание, что, во-первых, Ночь наделяется особыми характеристиками, которые в контексте нашего исследования можно назвать «негативными». Отдельно отметим следующие из них. Так, обозначается: «Медной оградой Тартар кругом огорожен. В три ряда Ночь непроглядная шею ему окружает»². Данный фрагмент можно интерпретировать так, что Ночь формирует некую границу, определяющую Тартар и, возможно, выступает неким сдерживающим фактором. К тому же обратим внимание, Тартар является «домом для некоторых порождений Ночи», однако не домом самой Ночи. Кроме того, в *Th.* 757 Ночь описывается как «несущая гибель». Также и о детях Ночи – Сне и Смерти – говорится, что это «ужасные боги». Во-вторых, об Эребе практически не упоминается при описании Тартара, и в целом данные строки «Теогонии» сообщают о Ночи едва ли не больше, чем о самом Тартаре. Эти обстоятельства, пусть и косвенно, но опять-таки указывает на особый онтологический статус Ночи. Во всяком случае, если вести речь именно о сравнении с Эребом.

Таким образом, говоря о соотношении Ночи и Эреба, следует предположить, что их негативные характеристики существенно различаются. Образ Ночи прописан куда как более детально. Здесь и указание на то, что Νύξ определяет границу Тартара, и то, что ее дети – Сон и Смерть – также вызывают

² Текст «Теогонии» на русском языке приводится в переводе В. Вересаева.

ужас. Впрочем, и здесь можно говорить о некоторых особенностях. В частности, от брака Ночи и Эреба появляется День. Как мы помним, в прочтении Дж. Клэй этот аспект интерпретировался как указание на то, что негативное предшествует положительному. Но в «Теогонии» мы находим, что «ужасные боги» Сон и Смерть являются порождениями именно Ночи, но не Ночи и Эреба. И в частности, отмечается, Ночь является первой (primal) матерью всех негативных вещей в «Теогонии» (Roisman 1983, 491). Следовательно, если согласиться, что Ночь и Эреб суть мифопоэтические образы, которые являют собой негативные элементы космологии и космогонии Гесиода, то следует предположить, что это – разные виды негативности.

Однако кроме обращения к Хаосу, Ночи, Эребу, Тартару, отдельного внимания заслуживают строки 736–740, без анализа которых нельзя составить относительно полную картину о роли и значении негативности в «Теогонии»: «ἔνθα δὲ γῆς δυοφερῆς καὶ Ταρτάρου ἠερόεντος // πόντου τ' ἀτρυγέτοιο καὶ οὐρανοῦ ἀστερόεντος // ἐξείης πάντων πηγῶν καὶ πείρατ' ἔασιν // ἀργαλέ' εὐρώεντα, τὰ τε στυγέουσι θεοὶ περ, // χάσμα μέγ', οὐδέ κε πάντα τελεσφόρον εἰς ἐνιαυτὸν». Прежде всего, обратим внимание на 738, где говорится о «концах и началах» – «πηγῶν καὶ πείρατ'». Здесь важно само указание на наличие неких концов и начал. Интересна трактовка этого фрагмента Фрэнкелем, который отмечал: «В этих стихах воплощены глубокие онтологические размышления. В начале мы слышали, что до бытия была пустота, в которую вошло бытие; здесь говорится не о происхождении мира, а о его структуре, и Гесиод говорит, что границы и источники всех объектов в бытии лежат над пустой пропастью. На нашем языке это означает, что все сущее существует благодаря тому факту, что оно противопоставлено (пространственно, временно и логически) пустому небытию; то, чем оно является, определяется его границей с тем, чем оно не является, с пустотой» (Fränkel 1975, 105–106). Собственно, интерпретация Фрэнкеля в явном виде указывает на роль и значение негативного в теогонии, космогонии и космологии Гесиода – небытие (non-being) не только находится в тесной взаимосвязи с тем, что существует, но и в указанном смысле определяет существующее. И в этом также угадывается элемент «протоапофатики».

Далее, фрагмент 736–740, по сути, смещает акценты в космогонии и теогонии Гесиода. В самом деле, если ранее вопрос о возможном первоначале сводился к дискуссии вокруг тезиса «πρώτιστα Χάος γένετ'», то в *Th.* 738 мы впервые читаем о наличии неких начал, которые, по всей видимости, не сводятся к богам «Теогонии». В самом тексте об этих началах и концах (или еще возможен перевод второго слова – «пределы») сказано мало. Прежде всего,

очевидно, нам неизвестно не только, что собою представляют начала и пределы, но и то, сколько их всего – мы лишь находим упоминание о «всех» (πάντων) началах и пределах. Но наиболее интересным представляется вопрос об их расположении. Они находятся «вне» «темной земли», вне «бесплодной пучины морской», вне «звездного неба». Здесь мы полагаем следующее. Во-первых, непосредственно не указывается, местонахождение «начал и пределов», говорится лишь о том, где они не находятся. Отсюда наше предположение, что здесь можно увидеть некий элемент апофатического («протоапофатического») описания. Но, во-вторых, справедливо ли, полагать, что об их расположении говорится только апофатически? В *Th.* 740–746 указывается: «Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота, // Дна не достиг бы той бездны в течение целого года: // Ярые вихри своим дуновеньем его подхватили б, // Стали б швырять и туда и сюда. Даже боги боятся // Этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи // Там расположены, густо одетые черным туманом». Можно предположить, в данном фрагменте говорится о местонахождении «начал и пределов». И если это так, то ключевым моментом здесь является указание, что это – «бездна великая», (в оригинале – «χάσμα μέγ'»), а последующие строки здесь лишь описание этого места. Однако тут неизбежно возникает вопрос, что собою представляет «χάσμα μέγ'»? Является ли это отдельным элементом в космологии Гесиода или χάσμα μέγα и Χάος суть одно, ибо некоторые сходства между ними вполне очевидны? В специальной литературе указанная часть фрагмента «Теогонии» не часто анализируется именно в оптике поставленных вопросов. Однако встречается указание, что это именно Хаос. К примеру, Д. Джонсон указывает на то, что истоки и начала космогоничны, как и пропасть (chasm), посредством которой они объясняются, а пропасть эта связана со строкой 814 и, что особенно важно, со строкой 116 (Johnson 1999, 25). Таким образом, данная трактовка указывает нам на то, что χάσμα μέγ' и Χάος суть одно. Эта позиция пусть и в разных в разных вариациях встречается в специальной литературе часто. В-третьих, если согласиться с этой трактовкой, то получается, Хаос содержит в себе истоки и начала. Но тогда необходимо обозначить, что собою являют непосредственно уже «πηγὰ καὶ πείρατ'». Текст «Теогонии» практически ничего не сообщает нам об этом. Однако, согласно сказанному выше, они находятся внутри Хаоса; известно, они «страшные и мрачные», причем их боятся даже боги. Мы полагаем возможным раскрыть значение «πηγὰ καὶ πείρατ'» через понятие ἀρχή. В самом деле, теогония Гесиода – это, в силу понятных причин, еще не философия, но мифология, возможно, с элементами предфилософии. Однако, греческая мысль уже делает существенные шаги на пути перехода от

«мифа к логосу», и, возможно, *πῆγαί καὶ πείρατα* это и есть одно из первых указаний на понимание неизбежности – преодоления мифа. Иными словами, одна из возможных трактовок «*πῆγαί καὶ πείρατα*» – указание на то, что это интуитивное пред-обозначение *ἀρχή* в мифологии (Светлов, Галанин и др. 2023, 4–5). Возможно, именно пределы и начала впоследствии находят свое выражение в натурфилософских учениях первых греческих философов, в апейроне Анаксимандра. При таком прочтении становятся понятными те немногочисленные характеристики начал и пределов, которыми мы располагаем, а также, собственно, и то, что этих характеристик практически нет. В самом деле, миф Гесиода еще только угадывает *ἀρχή* и ничего об этом пока не знает – отсюда и столь скудное описание. И боги их боятся, поскольку *πῆγαί καὶ πείρατα*, предугадываемые как *ἀρχή*, суть то, что приходит на смену мифологии, а значит, самим богам. Хаос содержит в себе *πῆγαί καὶ πείρατα*, следовательно, в Хаосе содержится потенция для развёртывания нового, не мифологического первоначала – *ἀρχή*. Иными словами, Хаос – негативное – не просто то, что предшествует другим богам, но и то, что содержит в себе потенции для разворачивания уже положительной онтологии в истории греческой мысли. А значит, опять-таки негативное предшествует позитивному.

Таким образом, в «Теогонии» Гесиода наличествует протоапофатическая проблематика, которая явлена в описании мифологических образов. Важным моментом является то, что речь идет именно о нескольких образах, отнюдь не только о Хаосе. Апофатическими характеристиками наделены и Ночь, и Эреб, и Тартар, а также «пределы и начала», которые находятся внутри Хаоса. Об Эребе текст «Теогонии» содержит мало сведений – мы лишь узнаем такие характеристики как «угрюмый», «мрачный» и вместе с тем в одной из трактовок находим, что это – «царство незаполненных пространств» (Solsmen 1949). Эреб и Ночь суть порождения Хаоса. Однако именно негативные характеристики Νύξ в «Теогонии» прописаны в сравнении и с Хаосом, и Эребом куда как более детально и, кроме того, было обозначено, что Νύξ является аналогом позднего «*κενόν*». Из описания Тартара также можно эксплицировать негативные характеристики. Однако, как мы видели, от Ночи и Хаоса Тартар отличает то, что в нем наличествует и положительные описания. Так, говорится, что некогда это был «приют безопасный», и что, поскольку именно туда были отправлены поверженные Титаны, то Тартар способствовал «возвышению» Зевса. «Начала и пределы» содержат и апофатические и позитивные описания. О них известно, что они *есть*, существуют, однако отнюдь не ясно, *что* они есть, и какую функцию они выполняют. Пределы и начала не суть боги, но являются частью именно мифологической системы Гесиода. Одним из возможных вариантов трактовки

этих понятий является объяснение через понятие «архэ» в контексте концепции «от мифа к логосу». Однако особое место в системе мифологических образов занимает Хаос. И дело здесь отнюдь не только в том, что Хаос, имеющий явно выраженные апофатические характеристики, возникает первым и что, возможно, является определяющим условием космогонии Гесиода. Хаос есть то, что, во-первых, порождает иные негативные силы – Ночь, Эреб. И, во-вторых, содержит в себе *τηγαί καὶ τεΐρατα*.

Следовательно, в «Теогонии» наличествует не один, а несколько образов, которые наделяются апофатическими характеристиками, что само по себе предполагает «инаковость» негативного. Мы не склонны утверждать, что у Гесиода есть некая система негативных образов, во всяком случае, это утверждение предполагало бы несколько иной ракурс рассмотрения заявленной проблемы. В рамках настоящей статьи мы обозначили, что различие в понимании негативного, наличествующее в последующей греческой мысли имеет своим истоком именно миф Гесиода. И что апофатическая проблематика во все не сводится только к учению о Хаосе при всей онтологической значимости последнего.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ахутин, А.В. (2005) «Введение. Дело философии»? «Поворотные времена». С.-Петербург: Наука, 22–87.
- Богомолов, А.В., Светлов, Р.В. (2021) «Беседа с ничто: апофатический дискурс в античной философии», *Платоновские исследования* 15.2, 41–73.
- Богомолов, А.В., Светлов, Р.В., Шмонин, Д.В. (2022), «Онтология и эпистемология Ничто в философии Платона: истоки и природа платоновской апофатики», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 16. 2, 763–772.
- Драч, Г.В. (2003) *Рождение античной философии и начало антропологической проблематики*. Москва: Гардарики.
- Лосев, А.Ф. (1996) *Мифология греков и римлян*. Москва: Мысль.
- Светлов Р.В., Галанин Р.Б, Никулин М.С. Приходько М.А. (2023) *Истоки рациональной теологии*. С.-Петербург: РХГА.
- Bussanich, J. A (1983) "Theoretical Interpretation of Hesiod's Chaos. *Classical Philology*," 78.3, 212–219.
- Clay, J.S. (2003) *Hesiod's Cosmos*. New York: Cambridge University Press.
- Fränkel, H. (1975) *Early Greek Poetry and Philosophy: A History of Greek Epic, Lyrica, and Prose to the Middle of the Fifth Century*. Oxford.
- Johnson, D.M. (1999) "Hesiod's Descriptions of Tartarus ("Theogony" 721–819)," *Phoenix* 53, 8–28.

- Hadot, P. (1987) "Апофатизм и теология негативная," *Exercices spirituels et philosophie antique*. Paris. Études augustiniennes, 185–193.
- Millsaps, K.T. (2006) *The Development of Apophatic Theology from the Pre-Socratics to the Early Christian Fathers*. East Tennessee State University.
- Most, G. W., ed. (2006) *Hesiod: Theogony. Works and Days. Testimonia*. Harvard University Press.
- Roisman, H. (1983) "Hesiod's "ΑΤῆ," *Hermes* 111, 491–496.
- Solmsen, F. (1949) *Hesiod and Aeschylus*. Ithaca, New York.

References in Russian:

- Akhutin, A.V. (2005), "Introduction. The matter of philosophy," in "Turning Times", 22-87. St. Petersburg: Nauka.
- Bogomolov, A.V., Svetlov, R.V. (2021), Conversation with Nothing: Apophatic Discourse in Ancient Philosophy. In *Platonic Investigations*, 2021, 15(2), 41–73.
- Bogomolov, A.V., Svetlov, R.V., Shmonin, D.V. (2022) "Ontology and Epistemology of Non-being in Plato's Philosophy: On Origins and Nature of Platonic Apophaticism," *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 16.2, 763-772.
- Drach, G.V. (2003), "The birth of ancient philosophy and the beginning of anthropological problems." Moscow: Gardariki.
- Losev, A.F. (1996), "Mythology of the Greeks and Romans", Moscow: Mysl.
- Svetlov R.V., Galanin R.B., Nikulin M.S., Prikhodko M.A. (2023) *The Origins of Rational theology*. St. Petersburg: RHGA.